

Андрей Карпенко

Охота на Фенрира

16+

Андрей Карпенко
Охота на Фенрира

«Автор»

2021

Карпенко А.

Охота на Фенрира / А. Карпенко — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-98403-5

Это преступление современности обещало стать громким нераскрытым делом, но, внезапно оказалось продолжением другого нашумевшего злодеяния из далекого прошлого...

ISBN 978-5-532-98403-5

© Карпенко А., 2021

© Автор, 2021

Андрей Карпенко

Охота на Фенрира

Были у Локи и еще дети. Ангрбодой звали одну великаншу... От нее родилось у Локи трое детей. Первый сын – Фенрир Волк, другой – Ёрмунганд, он же Мировой Змей, а дочь – Хель. Когда проведали боги, что вырастают эти трое детей в Стране Великанов, – а дознались боги у пророчицы, что ждать им от тех детей великих бед, и чаяли все великого зла от детей такой мерзкой матери и тем паче детей такого отца, – вот и послал богов Всеотец взять тех детей и привести к нему. И когда они пришли к нему, бросил он того Змея в глубокое море, всю землю окружающее, и так вырос Змей, что посреди моря лежа, всю землю опоясал и кусает себя за хвост. А великаншу Хель Один низверг в Нифльхейм и поставил ее владеть девятью мирами, дабы она давала приют у себя всем, кто к ней послан, а это люди, умершие от болезней или от старости...

Волчёнка взрастили асы у себя, и лишь Тюр отваживался кормить его. И когда боги увидели, как быстро он рос со дня на день, – все же пророчества говорили, что рожден он им на погибель, – решили они изготовить крепчайшую цепь. И прозвали ее Ледингом и принесли к волку и подбили его испытать тою цепью свою силу. А волку подумалось, что он ее осилит, и он дал надеть ее на себя. И лишь уперся волк, сразу же лопнула цепь, и так избавился он от Лединга.

Тогда сделали асы другую цепь, вдвое крепче прежнего, и назвали ее Дроми. И стали вновь упрашивать волка испытать цепь, говоря, что он прославится силою, когда не удержит его такая чудо-цепь. Подумал волк: пусть крепка эта цепь, но и силы у него, верно, прибавилось с той поры, когда он разорвал Лединг. Пришло ему тогда на ум, что стоит и отважиться, чтобы стяжать себе славу, и он дал надеть на себя те узы. И когда асы сказали, что, мол, пора, рванулся волк, уперся, да как грянет цепью оземь, так и разлетелись кольца во все стороны. Так освободился он и от Дроми...

Стали тут асы опасаться, что не связать им волка, и Всеотец послал Скирнира, гонца Фрейра, под землю в страну черных альвов к неким карлам и повелел им изготовить путы, прозванные Глейпнир. Шесть сутей соединены были в них: шум кошачьих шагов, женская борода, корни гор, медвежьи жилы, рыбье дыханье и птичья слюна. И если ты прежде о таком и не слыхивал, ты можешь и сам, рассудив, убедиться, что нет тут обману: верно, примечал ты, что у жен бороды не бывает, что неслышно бегают кошки, и нету корней у гор. И такая же сущая правда и все прочее... Путы были гладки и мягки, как шелковая лента, а насколько прочны они были... Когда асы получили эти путы... позвали с собою и Волка и показали ему эту шелковую ленту, и подбивали, чтобы он ее разорвал, и говорили, что-де крепче она, чем можно судить по ее толщине, и передавали ее друг другу, и испытывали силою своих рук, но она не рвалась. «Но, – говорили они, – Волк ее все ж таки порвет». Тогда отвечает Волк: «Как погляжу я на эту ленточку, не стяжать мне через нее славы, хоть бы и разорвал я ее на куски. Если же есть в ней секрет или хитрость, хоть и кажется лента маленькой, не бывать ей на моих ногах!» Тогда асы сказали, что ему легко разорвать столь тонкую шелковую ленточку, если прежде он поломал толстую железную цепь. «А если не удастся тебе порвать эту ленту, то уж и богов ты не напугаешь, и мы тебя тогда отпустим». Волк отвечает: «Если вы свяжете меня так, что мне не вырваться, то поздно мне будет ждать от вас пощады. Не по душе мне, чтобы вы надевали на меня эти путы. И, чем обвинять меня в трусости, пусть лучше один из вас вложит мне в пасть свою руку в залог того, что все будет без обмана». Тогда переглянулись асы и подумали, что вот прибавилось им заботы: никому не хотелось лишаться руки. И лишь Тюр наконец протянул правую руку и вложил ее Волку в пасть. И когда Волк уперся лапами,

пути стали лишь крепче, и чем больше он рвался, тем сильнее они врезались в его тело. Тогда все засмеялись, кроме Тюра: он ведь поплатился рукою.

Увидев, что волк связан надежно, асы взяли конец пут... и протянули его сквозь большую каменную плиту – она называется Гьёлль, – и закопали ту плиту глубоко в землю. Потом они взяли большой камень, Твити, и зарыли его еще глубже, привязав к нему конец пут. Волк страшно разевал пасть и метался и хотел всех покусать. Они же просунули в пасть ему меч: рукоять уперлась под язык, а острие – в небо. И так распирает меч ему челюсть. Дико он воет, и бежит слюна из его пасти рекою, что зовется Вон. И так он будет лежать, пока не придет конец света... Отчего же не убили боги Волка, если ждут они от него большого зла?... Так чтит боги свое святилище и свой кров, что не хотели осквернять их кровью Волка, хоть и гласят пророчества, что быть ему убийцею Одина.

Скандинавская мифология.

О детях Локи и связывании Фенрира Волка. Младшая Эдда. Снорри Стурлусон.

Всемирно известный учёный-историк Вальтер Сергеевич Хлебушкин вышел с остановившейся электрички, прибывшей точно по расписанию из Москвы. Маленький город, в котором ученый прожил больше 40 лет, встретил его весенним солнечным деньком.

Хлебушкин, не обращая никакого внимания на симпатичную картину пробуждения природы, в задумчивости потеревил свою густую седую бороду и задумчиво огляделся по сторонам перрона.

Постояв еще некоторое время, он, наконец, направился к выходу станции. Не оборачиваясь, старик стремительно направился с вокзала до ближайшего продуктового магазина, где купил себе манную крупу и пакет молока.

Однако дальше, выйдя из магазина, Хлебушкин принялся останавливаться возле каждого ларька или витрин магазинов, делая вид, что рассматривает предлагаемый ассортимент, а сам же окидывал внимательно взглядом через отражение то, что происходило сзади.

По пути он несколько раз заходил в подъезды встречных многоэтажек, и, постояв в них какое-то время, затем отправлялся дальше, фиксируя, что в данный момент никто за ним следом не зашел.

Таким странным манером он, наконец, добрался до подъезда собственного дома, стандартной панельной пятиэтажки. Прежде чем зайти, Хлебушкин еще раз остановился и огляделся по сторонам. Никого. Тишина.

Нырнув в подъезд, он стал не спеша и почти бесшумно подниматься до своего этажа, останавливаясь после каждого лестничного пролета, и прислушиваться. Подойдя же к входной двери своей квартиры № 33, он еще постоял возле нее и поднялся на этаж выше, где, убедившись, что здесь тоже никого нет, направился обратно.

После он почти сразу же открыл первую входную дверь, но, вторую более массивную и тяжелую отворять не торопился, выждав еще секунду-другую. Снова ничего не произошло, и облегченно вздохнув, Вальтер Сергеевич, распахнул вход в жилище, проходя внутрь.

При этом он почти моментально неуловимым движением затворил обе двери на мощные, совсем недавно установленные замки. От одного сурового вида этих замков было ясно, что не одному доморощенному домушнику в дом не попасть, как бы он ни старался.

Дело в том, что несколько недель назад, Хлебушкин также вернулся домой из Москвы от своего издателя и отчетливо осознал, что квартиру кто-то посещал во время отсутствия хозяина. Была немного передвинута мебель, и стоял едва уловимый запах табака. На фронте, в свое время, некурящий Хлебушкин безошибочно научился различать запах курицы в любых количествах.

Скорее всего, курили или на балконе, или в форточку.

После такого «открытия», Вальтер Сергеевич, срочно поменял замки, и стал с этого дня внимательно следить за происходящим на улице, лишь только он появлялся там по какой-либо надобности.

Сейчас же, убедившись в безопасности, и довольно напевая мотивчик из далекого детства – «А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер, веселый ветер» – Хлебушкин зашел в прихожую, и, сняв с себя старенькую потрепанную курточку, принялся вешать ее в гардеробе.

Без уличной одежды, он оказался в добротном ухоженном черно-синем классическом костюме. В приподнятом настроении, Вальтер Сергеевич, уже собрался разуться и, присев на тумбочку, спросил сам у себя весело. – А ты переживал, Вальтер?! Как там Геродот, отец-основатель говорил?! Твое здоровье – чистый воздух, вода и пища. Вставай утром с радостью, ложись спать с улыб...

Но, старик не договорил, и оборвал себя на полуслове... Его ставшее с годами дальнорезким зрение разглядело в комнатах квартиры настоящий разгром, словно татаро-монгольское иго прошло.

Множество вещей, книг, газетных подшивок были сброшены на пол и представляли собой невероятный кавардак. Причем Хлебушкин увидел только часть хаоса, находясь в прихожей, и боялся представить, что он обнаружит при полном рассмотрении внезапного бедлама.

Он инстинктивно протянул руку во внутренний карман куртки и достал оттуда крестовую отвертку. Дальше старик уже машинально и бесстрашно бросился было в сторону ванной с отверткой наперевес, но, успел сделать лишь несколько шагов.

В голове барабанной дробью стучала одна навязчивая мысль. – Всё-таки перехитрили, крысы царедворные...

Но, додумать он не успел... В глазах внезапно потемнело, и Хлебушкин рухнул на пол от тягуче-чугунного и тяжелого удара, смявшего с хрустом худощавую жилистую шею. При падении старик сильно ударился лицом об пол. Из разбитых рта и носа потекла густая кровь.

Над рухнувшим хозяином квартиры распростерся здоровенный малый, растирая пудровый кулак после нанесенного удара. Он стоял и смотрел ничего не значащим взглядом на лежащего без сознания Хлебушкина.

– Ну, ты здоров, Самара-городок, – восхищенно произнес еще один, с белым шарфиком на шее, выходя из кухни и обращаясь к тому, кого он назвал «Самарой». – Ты его, надеюсь, не замочил?

– Было бы чего мочить? – Буркнул здоровенный тип в ответ. – Сто лет в обед. На кладбище с колотушками ищут давно. Сейчас очухается.

– Трындеть хватит, – приказал третий, вышедший из кабинета Вальтера Сергеевича, и держа в руках черный кейс. – В комнату тащите и в рабочее состояние его приведите.

Этот третий здесь явно выглядел главарем и распоряжался сейчас вполне по-хозяйски. Он представлял из себя блондина с небольшой проседью, был неопределенного возраста и с глубокими морщинистыми холодно-голубыми глазами. На правой щеке его едва различался небольшой дугообразный шрам.

Произнеся приказ, он направился в ближайшую комнату, переступив тело старика. Затем блондин расположился за письменным столом, положив перед собой на потертую крышку мебели загадочный кейс.

Подручные принялись выполнять приказание блондина, и потащили Хлебушкина волоком в комнату, размазав набежавшую с него кровь багровыми полосами по линолеуму. Когда они закончили свое занятие и швырнули старика рядом с ближайшим диваном, белый шарфик похлопал Хлебушкина по щекам.

– Давай, папаша, – обратился он к Вальтеру Сергеевичу. – Приходи в себя. А то я уже волнуюсь. Не время помирать, старый.

Вальтер Сергеевич же находился в глубокой коме после тяжеленного удара.

– А вот это, папаша... – снова обратился шарфик к своей жертве, вынимая из крепко сжатых ладоней старика отвертку. – ...Я у тебя заберу, от греха подальше. Ты, видать, хваткий дед. Сам в отключке, а тыкалку свою держишь как пионер пионервожатую за титьку.

Он швырнул отвертку в сторону, доставая из черной куртки бутылку водки. Затем он кивнул в сторону того, которого называл «Самарой». – Подсоби, сейчас пенсионера будем в чувства приводить после тебя.

Самара, молча присев, справа, взял Хлебушкина за голову и огромными пальцами открыл ему рот. Напарник присел слева и принялся лить спиртное в рот старика, бормоча. – Давай, дедуся, очухивайся. Ты же, водку то любишь! Аж целую книжку про нее родимую написал. Где-то тут валялась.

Вальтер Сергеевич закашлялся от влитой водки, и начал постепенно приходиться в себя.

Дико гудела голова после удара, и мутило от влитого насильно спиртного. Но, он вспомнил почти сразу же всё. И как зашел в квартиру, и как бросился в сторону ванной, и как выключили его внезапно. А теперь он сидит на полу возле дивана, и напротив какие-то две незнакомые физиономии с явно уголовным оттенком.

Глядя на первого, он тут же, не задумываясь, назвал его Бугай. Глядя на второго, вспомнил татарское слово «Сархуш», означавшее забулдыгу. Это, вероятно, он его предков описывал в своём знаменитом исследовании про русскую водку, рассказывая о персонажах, которые ринулись наперегонки с ведрами в первый же, открывшийся на Руси кабак в 1533 году.

– Значит, Бугай и Сархуш?! – Переспросил Хлебушкин мысленно. – Это вы, получается, меня перехитрили?! Я, старый советский карась, к тому же военный разведчик, поперся как не в чем ни бывало в домуправление и вызвал мастера, замки сменить. Вот он слепочки то для вас и приготовил, ребятки. Ай да слесарь, ай да, сукин сын!

– Ну, что, папаша, – обратился Сархуш. – оклемался? Поговорим? И можешь себе топать к бабке своей. Обещаю.

– Кто вы такие?! Что надо?! – прохрипел он тихо окровавленным ртом.

– Вальтер Сергеевич, – обратился из-за стола блондин, барабаня беззвучно пальцами по кейу. – Здесь я буду задавать вопросы, раз уж вы оказались в теперешнем положении. Идёт?!

– А вы, выходит, главный? – Спросил Хлебушкин, глядя то на кейс, то на блондина. – Я спрашиваю – по какому праву и кто вы такие?!

– Когда мне понадобятся ваши вопросы, я вам их озвучу. Приведи в чувство, – ответил главарь и обратился, кивая бугаю. – После поговорим. Но, не особо усердствуй с ветераном.

Самара, молча, кивнул в ответ, и вlepил старику звонкую оплеуху всей своей гигантской пятерней. Голова старика дернулась от боли и возмущения. Он забито посмотрел на визитеров-мучителей исподлобья, понимая, что разговаривать дальше не о чем.

– Продолжим, – изрек блондин. – Я, надеюсь, вы осознали, в какой переплет угодили на старости лет? И если хотите из него выбраться живым, то предлагаю сотрудничать.

– Ну, давай, папаша, не кобенься. – Похлопал по-свойски Хлебушкина Сархуш, улыбаясь щербатым ртом. – Сейчас всё расскажешь, и мы с тобой водочки выпьем за знакомство, на брудершафт. Ты дед-то, видно, умный. Я вон книжки тут твои почитал, пока ждали. Зачитался.

– Родную речь захлопнул, – кратко оборвал его блондин.

– Всё понял. Молчок. – Приложил палец к губам Сархуш и присел на ближайшую подобранную табуретку.

– Итак, Вальтер Сергеевич, – продолжил блондин, кивая на кейс. – Два вопроса. Где остальное? И где деньги? У вас, шепчутся, очень много денег.

– Где шепчутся, там и спрашивайте. – Ответил старик. – Это досужие сплетни. Вот мой капитал.

Он обвел рукой многочисленные книги, стоявшие на полках и лежавшие на полу после обыска этой троицы.

– А насчет «остального» – произнес дальше Хлебушкин. – Я, если честно, и не понял, что вам надо от меня еще.

– Не понял?! – помотал блондин головой флегматично и кивнул на бугая-Самару. – Вот он тебе сейчас и напомнит, если с первого раза не дошло. Бить больше не будет, чтоб не зашибить. Но, есть масса других способов развязать язык.

Самара вышел на кухню и вскоре почувствовался запах газа. Потом послышались звуки щелчка пьезоэлемента газовой плиты и голос. – Готово. Тащи.

– Ну чо, старый, двигай, – заулыбался снова щербатым ртом Сархуш. – Будем из тебя жаренного поросенка лепить. Ты, я, понял, знатный кулинар. У тебя на полках много книжек по хавке. Вот ты нам сейчас и поведаешь рецепт. Ты же вон какой умный.

Сархуш схватил вдруг с ближайшей полки очки старика и нацепил их на себя, став похожим на героиню басни Крылова. – Очки вот у тебя какие прикольные. Ну, чо, рассказывай, чего люди тебя спрашивают, и расходимся. Подобру-поздорову.

Где-то в оконной раме под лучами весеннего солнышка вдруг забила одинокая муха, стучась методично и глупо тельцем, и напрасно пытаясь вырваться на свободу через невидимое для ее глаз стекло.

Старик молчал, рассматривал пришельцев еще секунду-другую. Затем, он, вдруг, беззвучно расхохотался окровавленным бородатым ртом, глядя на Сархуша, напавшего на его очки на свою богодульную физиономию.

– Ну, вот видишь, дедуля, – обрадовался Сархуш, снова похлопав панибратски по плечу человека, который годился ему в отцы. – Ты уже смеешься. Это хорошо. Рассказывай чего как, да будем разбегаться.

Старик, еще посмотрел немного на глупое лицо Сархуша в очках, и неожиданно плюнул в него, продолжая беззвучно смеяться.

– Ах ты, падла!!! – завизжал Сархуш, вытирая плевком и пулей хватаясь за отвертку, которая лежала неподалеку.

Блондин успел еще прорычать, доставая пистолет «ТТ». – Не смей. Убью.

Но, секунда, и залитые кровью и бешенством глаза Сархуша склонились над Хлебушкиным. Он успел с молниеносной скоростью нанести с десяток ударов по успевшему закрыться руками старику. Прибежавший на шум Самара, оттащил обезумевшего Сархуша от убитого историка.

– Ты чего наделал, идиот? – произнес он, рассматривая обмякшего окровавленного старика. – Как мы теперь узнаем, куда он нал спрятал?!

Подскочивший блондин, уткнул «ТТ» в голову Сархушу, и взвел курок.

– Ну, давай, шмаляй... – бешеными безумными глазами засверкал Сархуш. – Думаешь, зассу?!

– Тихо, тихо, Сергеич, – Самара отвел в сторону пистолет. – Потом с этим огрызком разберемся. Дед всё равно не жилец был. Сам понимаешь. Его бы так и так пришлось валить. А сейчас вместо одного – два жмурика будут. И грохот на весь дом.

Блондин, достал обойму, дернул в сторону затворную раму и затем, снова навел ствол на голову Сархуша. После нажал спусковой крючок, произнеся. – Мажь лоб зеленкой, придурок. Я запомнил твой финт.

Самара тоже посмотрел на Сархуша и без замаха двинул ему в ухо, так что тот отлетел в сторону.

Блондин бросил, выходя из комнаты. – Пойду-перекурю. Приберитесь здесь. Улики правильно разложите. Самарин, проконтролируй. А то этот дебил еще чего-нибудь учудит.

– Всё дебил, дебил. – Обиделся Сархуш, потирая ушибленное ухо. – А я с самого начала говорил – мне моя чуйка твердила, что тут нет никаких денег. Я вас предупреждал. Чо мы сюда приперлись?! Срок лишний захотелось?!

– Да заткнешься ты когда-нибудь?! – разозлился Самара не на шутку.

– Да?! – выставил руки в бока Сархуш, и кивнул в сторону вышедшего из комнаты блондина. – А кто чемоданчик ему с каким-то фуфлом бумажным, над которым он сейчас трясется, под ванной этого козла старого нашел?! Ты что ли?! Чо бы вы делали без моей чуйки?!

– Дима, я тебя сейчас реально вместе с твоей чуйкой здесь положу рядом с дедом, – устало просипел Самара. – Если не засохнешь. Раскладывай вещи.

Сархуш поняв, всю реальность угрозы от напарника, замолчал и принялся за дело, больше не произнес ни слова.

Он взял с полки книжку за авторством Вальтера Сергеевича Хлебушкина с названием «Тотальный Позывной», полистал ее с интересом, а затем припечатал обложку заранее приготовленным башмаком гигантского размера.

На книге остались следы грязи, а Сархуш же, сложив ботинок в сумку, принялся раскладывать заранее приготовленные окурки. Самара в это время разбросал по разным углам чью-то куртку и хлопчатобумажные перчатки. Затем он взял злополучную отвертку и протер ее тряпкой.

– Вот этому Сидорину подарочек то будет... – ухмыльнулся Сархуш. – Лет на десять.

– Если из города не свалил никуда, – поддержал внезапно Самара речь Сархуша. –

– Уходим, – вернулся в комнату блондин, и уточнил у Самары. – Всё в порядке?

– Да, норма. – Кратко ответил тот.

Все трое направились к выходу и уже собирались покинуть квартиру, открыв входную дверь, как вдруг Самара произнес, хлопнув себя по лбу. – Блин, с этим бардаком забыл печку выключить. Вонять начнет по всему дому, раньше времени нос могут сунуть.

Он толкнул Сархуша в бок. – Иди закрой.

– А чо я то?! – огрызнулся Сархуш. – Я что ли включал?!

– Иди, закрывай, – грозно прогремел Самара. – Я тебе только что жизнь спас, а ты опять за свое.

– Ну, спасибо, благодетель ты мой, – примирительно поднял руки Сархуш, поглядывая на блондина. – Не бузи, сейчас выключу.

Он направился в кухню и вдруг остановился напротив комнаты с телом Хлебушкина, произнес тихим едва слышным писком всего один звук. – Ё!

Блондин, вздохнув, обратился к Сархушу. – Что там опять?!

Самара же, заинтересовавшись, прошел, молча вслед за напарником, и остолбенел на пороге комнаты, где троица только что оставила жестоко убитого старика. Затем Самара выдал из себя едва слышно. – Твою мать!!! Это что за...?!

В комнате полулежал-полусидел, опираясь на окровавленную руку, мертвый старик и, совершенно не мигая, смотрел на стоявших возле порога Сархуша и Самару. В квартире наступила тяжелая гнетущая тишина.

Как-то совсем незаметно приблизился вечер, давая начало подбирающимся уже сумеркам.

– Тебя кто бить учил?! – наконец прервал молчание Самара, обращаясь к Сархушу. – Иди, добивай, раз уж заварил кашу. Твой грех.

Сархуш, дернув горлом, проронил. – Ну, старый, такие дела.

Затем он поднял с пола отвертку и двинулся медленно к старику. Но, не успел он пройти и двух шагов, как оживший мертвец сделал странное движение свободной ладонью по вертикали и горизонтали, словно крест начертил в воздухе.

То, что произошло дальше, отбило у Самары весь дар речи. Сархуш остановился, и, глядя на самого себя непонимающими глазами...внезапно развалился на четыре части. Причем, никакой крови и внутренностей из него не брызнуло и не выпало.

Он оказался словно замороженный. Всё его тело распалось на фрагменты и напоминало теперь картинку из учебника топографической анатомии. Гулкий невнятный хрип стал для него последним звуком, которым Сархуш заканчивал свою говорливую биографию.

– Валим!!! – успел панически проорать Самара, и бросился к выходу. Штаны предательски и позорно оттопырились сзади. Блондин осознав, что творится неладное, толкнул резко дверь. Но, замки вдруг громко защелкнулись сами собой, а заклинившая дверь превратилась в непреступную скалу.

Все безуспешные попытки открыть ее ни к чему не привели. Также как и отчаянные посыпавшиеся сами собой маты. Мысль достать пистолет и расстрелять замки тоже оборвалась на внезапно глухо зашившейся наплечной кобуре.

Дальше блондин увидел, как Самару невидимая необъяснимая сила потащила в комнату, и словно детскую игрушку подняла в воздухе его двадцатикилограммовое тело. Блондин как стоял у входа, дергая одной рукой дверь, а другой с пистолетом так и остановился, едва не раскрыв рот от удивления, и даже попытался отступить еще назад. Но, уперся в дверь.

Через секунду-другую нечто начало бить методично Самару о ближайшую стену.

Раз-два-три. Закончили. Повторили процедуру... Так продолжалось минуты две, пока от очередного удара тело Самары не рассыпалось словно хрупкая фарфоровая игрушка. Теперь мелкие осколки некогда могучего тела напоминали детскую мозаику, разбросанную разгневанным детсадовцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.